

Секция II

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОТряСЕНИЯ
И САМОопРЕДЕЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА
КОНЕЦ XIX в. — 1920-е гг.**

А.Ю. Полунов

**Личность на фоне империи: К.П. Победоносцев
в восприятии творческой интеллигенции рубежа XIX–XX вв.**

Примечательной чертой художественной и литературной жизни России рубежа XIX–XX вв. был обостренный интерес творческой интеллигенции к одному из высокопоставленных сановников Российской империи — обер-прокурору Святейшего синода, члену Государственного совета и Комитета министров, наставнику и советнику двух последних царей Константину Петровичу Победоносцеву (1827–1907). В целом довольно равнодушные к высшему чиновничеству империи, литераторы, художники и философы уделяли значительное внимание фигуре обер-прокурора. Он стал персонажем поэмы А.А. Блока «Возмездие», прототипом сенатора Аблеухова в романе Андрея Белого «Петербург», предметом философских эссе и мемуарных заметок В.В. Розанова, Н.А. Бердяева, З.Н. Гиппиус, А.Н. Бенуа¹. Черты его личности стремились отразить в своих портретах И.Е. Репин и В.А. Серов. Философ и писатель Д.С. Мережковский, упоминая в разговоре с известным издателем М.В. Сабашниковым «о бедности нашей в крупных характерах», превозносил Победоносцева «как эстетически и психологически ценное по своей силе явление в нашем поражающем безлюдии»². Кажется парадоксальным интерес представителей творческой интеллигенции Серебряного века к высокопоставленному бюрократу, к тому же пользовавшемуся репутацией реакционера и мракобеса. Между тем это явление было достаточно закономерным, отразившим важные особенности художественного и философского сознания рубежа веков.

¹ К этому ряду имен следует добавить Л.Н. Толстого, для которого Победоносцев послужил прототипом Каренина в «Анне Карениной» и Топорова в романе «Воскресение».

² *Сабашников М.В.* Воспоминания. М., 1988. С. 227.

Характерной чертой творческих исканий интеллигенции последних предреволюционных десятилетий стало тяготение к обобщенному, философско-символическому осмыслению крупных явлений истории и культуры. Одним из таких явлений, чрезвычайно важных для России, являлась самодержавная государственность, однако осмыслить и представить ее в виде наглядных, живых символов было непросто. Большинство представителей государственно-бюрократического мира позднего самодержавия, даже занимавшие высокие посты, были в первую очередь чиновниками — безликими (во всяком случае, для «внешнего» мира), скованными в повседневном поведении множеством формальностей, мало общавшимися с публикой. Победоносцев ярко выделялся на этом фоне как литератор и публицист, стремился обосновывать в печати свои взгляды, был известен как автор многочисленных статей, брошюр, сборников переводов.

Публике было известно, что после гибели Александра II в 1881 г. обер-прокурор выступил против выдвигавшихся в это время проектов созыва умеренного представительства, добился их отклонения и затем на протяжении четверти века упорно боролся против всех попыток либерализации правительственной политики. Подобная стойкость в убеждениях, пусть и не вызывавших симпатии у большинства интеллигенции рубежа веков, всё же невольно внушала почтение к Победоносцеву, заставляла думать о нем как о крупной, неординарной личности. «Все его знали, — напишет один из журналистов после смерти консервативного сановника в 1907 г., — как человека, абсолютно не подкупного ничем: ни деньгами, ни властью, ни честолюбием. Он знал только „идею“, которой и служил до гробовой доски»¹. Наконец, в отличие от большинства высокопоставленных бюрократов глава духовного ведомства поддерживал личные контакты с представителями творческой интеллигенции.

Эта черта его поведения не была прихотью, случайным капризом, а глубоко коренилась в особенностях его мировоззрения. В 1860-е гг., будучи молодым чиновником Сената, Победоносцев принял активное участие в разработке судебной реформы Александра II, однако противоречивые последствия преобразований побудили его перейти на консервативные позиции. Разочаровавшись в эффективности административно-законодательных переустройств, он перенес в своей деятельности акцент на меры духовного воздействия — издательские предприятия, организацию взаимоотношений с прессой, влияние на культурную жизнь страны. Активная работа на всех этих направлениях была невозможна без личных встреч и бесед с литераторами, художниками, журналистами, учеными. Воспринимая себя как наставника и проповедника, своего рода светского миссионера, Победоносцев стремился «поучать» и «назидать» общество: выступал с публичными речами, полемизировал в печати с представителями различных течений общественной мысли, что превращало его самого в часть интеллигенции, делало активным участником идейной жизни страны².

¹ Зорька. 1907. № 298 // *Преображенский И.В.* Константин Петрович Победоносцев, его жизнь и деятельность в представлении современников его кончины. СПб., 1912. С. 13.

² О политической концепции обер-прокурора и его влиянии на литературно-художественную жизнь России см: *Полунов А.Ю.* Константин Петрович Победоносцев: вехи политической биографии. М., 2010. С. 99–126.

К.П. Победоносцев. Фотография 1880-х гг.

Среди представителей литературно-художественных кругов, с которыми российский консерватор поддерживал тесные отношения, особое место занимал Ф.М. Достоевский. Победоносцев сотрудничал с писателем, когда тот редактировал журнал «Гражданин» (1873–1874), помогал ему советами в период работы над «Пушкинской речью» и «Братьями Карамазовыми»¹. В круг общения консервативного сановника входили А.Н. Майков, М.А. Балакирев, П.И. Чайковский, А.Г. Рубинштейн, И.Н. Крамской. В 1870–1890-е гг. Победоносцев был частым гостем на «пятницах» Я.П. Полонского, где мог встречаться со многими писателями и публицистами: Н.С. Лесковым, И.С. Тургеневым, В.М. Гаршиным, Н.Н. Страховым, Э.Э. Ухтомским и др.

В конце XIX в. глава духовного ведомства посещал салон княгини М.К. Тенишевой, завсегдатаями которого были А.Н. Бенуа, А.В. Прахов, И.Е. Репин. Несколько раз встречались с Победоносцевым В.В. Розанов и Д.С. Мережковский, которые наверняка рассказывали о беседах с обер-прокурором своим

¹ О взаимоотношениях консервативного сановника с писателем см.: *Гроссман Л.* Достоевский и правительственные круги 1870-х гг. // Литературное наследство. 1934. № 15; *Достоевский и Победоносцев* // Красный архив. 1922. Т. II; *Гальцева Р.А., Роднянская И.Б.* Раскол в консерваторах (Ф.М. Достоевский, Вл. Соловьев, И.С. Аксаков, К.Н. Леонтьев, К.П. Победоносцев в споре об общественном идеале) // Неоконсерватизм в странах Запада. М., 1982. Ч. 2; *Волгин И.Л.* Достоевский и правительственная политика в области просвещения (1881–1917) // Достоевский. Исследования и материалы. Л., 1980. Вып. 4; *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в начале 1880-х гг.: программа нравственного перевоспитания общества // Россия и реформы. 1861–1881. М., 1991; *Степанов Ю.Г.* К истории взаимоотношений К.П. Победоносцева с Ф.М. Достоевским // Освободительное движение в России. Саратов, 1997. Вып. 16.

знакомым — литераторам-символистам (Андрею Белому, А.А. Блоку и др.). Многие представители творческой интеллигенции, таким образом, имели возможность непосредственно общаться с консервативным сановником, что, безусловно, подогревало к нему интерес, делая его особенно подходящим кандидатом на роль «символического воплощения» самодержавной государственности. Каково же было отношение властителей дум России рубежа столетий к знаменитому государственному деятелю, как складывался механизм восприятия его фигуры?

Большое влияние на оценку личности Победоносцева оказывали особенности его облика и манер («визуальный ряд» для литераторов-символистов и тем более художников был не менее важен, чем «содержательная» сторона деятельности сановника). Те, кто рассматривал самодержавную государственность в качестве силы мертвящей, замораживающей и тормозящей свободное саморазвитие жизни, находили, казалось, полное подтверждение своим воззрениям во внешности обер-прокурора. «Бледный, как покойник, — писал о консервативном сановнике Бенуа, — с потухшим взором прикрытых очками глаз, он своим видом вполне соответствовал тому образу, который русские люди себе составили о нем, судя... по той роли, считавшейся роковой, которую он со времен Александра III играл в русской государственной жизни»¹.

Мотив болезненности, умирания, смерти вообще очень часто встречался в отзывах о Победоносцеве. Писателю-народнику П.В. Засодимскому бросилась в глаза фигура обер-прокурора, «до того худая, костлявая и изможденная, что, казалось, тела не было — одни кости, и кости были обтянуты сухой и желтой, как пергамент, кожей». Лицо, выбритое настолько гладко, что можно было наблюдать мускулатуру рта и щек, синие очки, впалая грудь делали главу духовного ведомства похожим на мертвеца, вспоминал архитектор и журналист И.Я. Аренберг. По замечанию С.Ф. Либровича, сотрудника известного в Петербурге книжного магазина М.О. Вольфа, обер-прокурор уже в начале 1880-х гг. (в возрасте 53–54 лет) по внешнему виду был «высохший старик», «одной ногой уже стоявший в гробу», и никто не мог предположить, что он проживет до 1907 г.²

Особо впечатлительные современники воспринимали Победоносцева как некое сверхъестественное создание, соединявшее в своем облике черты различных земных существ. Круглые очки придавали сановнику вид не то совы, не то обезьяны, огромные уши казались то ли вылепленными из воска, то ли отрезанными «от какого-то большого человека, такого большого, каких людей и нет во-

¹ Бенуа А.Н. Мои воспоминания. М., 1990. Кн. 4–5. С. 194–195.

² Степаненко Н.Н. Золотое сердце (из воспоминаний о П.В. Засодимском). // Журнал для всех. 1912. № 7. С. 1112; Аренберг И.Я. Из новейшей истории Финляндии. // Голос минувшего. 1916. № 7–8. С. 313; Либрович С.Ф. На книжном посту. Воспоминания, записки, документы. М.—Пг., 1916. С. 316. Обер-прокурор исповедовал своеобразный «культ старости», полагал, что «никакая личная энергия нового деятеля не может заменить действие спокойной силы, установившейся в старом человеке в течение долгой жизни». Себя сановник почитал «патриархом», будучи далек от преклонного возраста, окружающих считал вечно молодыми, незрелыми людьми. Так, 36-летний Александр III в 1881 г. был для него «юным», себя же за восемь лет до этого (в возрасте 46 лет) он именовал «старым». См.: Победоносцев К.П. Соч. СПб., 1996. С. 17, 116.

В.А. Серов. Портрет К.П. Победоносцева (1902)

все», и приставленными к голове Победоносцева¹. З.Н. Гиппиус обер-прокурор запомнился как «неизвестного возраста человек-существо с жилистой птичьей шеей», в котором было «что-то от летучей мыши»². В принципе подобные зарисовки вполне соответствовали тому негативному восприятию самодержавной государственности, которое было широко распространено в кругах интеллигенции на рубеже веков. Личность Победоносцева, пусть и запоминавшаяся, впечатлявшая наблюдателя своим обликом, всё же воспринималась с подобных позиций достаточно однозначно, служила объектом не столько анализа, сколько критики и обличений. Ситуация, однако, существенно менялась для тех, кто имел возможность более тесно общаться с обер-прокурором, проверить свои впечатления в ходе личных контактов и бесед.

¹ Степаненко Н.Н. Золотое сердце. С. 1112.

² Гиппиус З.Н. Слова и люди. Заметки о Петербурге в 1904–1905 гг. // Литературное обозрение. 1990. № 9. С. 104, 111. В один ряд с подобными описаниями следует поставить и воспоминания В.В. Розанова, зафиксировавшего свое впечатление «от огромных, мясистых и подвижных его (Победоносцева. — А.П.) пальцев», как бы стягивавших невидимые нити власти и занимавших «непропорционально большое место в его фигуре». (Розанов В.В. М.П. Соловьев и К.П. Победоносцев о бюрократии // Новое слово. 1910. № 1. С. 20). О взаимоотношениях знаменитого философа с консервативным сановником см.: Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев о В.В. Розанове // Вопросы философии. 1993. № 12. С. 87–89; Ведерников В.В. К.П. Победоносцев в оценке В.В. Розанова // Общественная мысль и социально-политическое движение в новой и новейшей истории: Сб. трудов. Волгоград, 2000. Вып. 3. С. 11–22.

Оставивший глубокий след в истории России, Победоносцев был фигурой достаточно глубокой, неоднозначной. Бескомпромиссная борьба российского консерватора против реформ, демократии, либерализма определялась не примитивно-полицейскими соображениями, а определенными идейными установками — стремлением оградить Россию от политических бурь, уберечь русский народ («слабый», «незрелый») от деструктивного, по мнению Победоносцева, воздействия оппозиционной прессы, партийной борьбы, начал свободной конкуренции. При всей ошибочности, зачастую утопичности подобных воззрений они все-таки опирались на определенный идеалистический порыв, некую сверхидею. Наиболее проникательные современники чувствовали это, признавая, что обер-прокурор — «умный, талантливый, широко образованный, был тираном не за страх, но за совесть»¹.

Неоднозначность натуры Победоносцева проявлялась и в том, что, будучи бескомпромиссно жестким в отстаивании своих убеждений, он в то же время умел в ходе личных встреч найти общий язык с самыми разными собеседниками, «повернуть» свои воззрения таким образом, что это вызывало у людей, подчас духовно от него весьма далеких, если не сочувствие, то интерес. По замечанию А.Н. Бенуа, «Победоносцев умел очень любезно, мало того — очень уютно беседовать, затрагивая всевозможные темы и не высказывая при этом своих политических убеждений»². Литератору Е. Поселянину (Погожеву) запомнился «живой нрав» обер-прокурора, его «вечно-юная восприимчивость, выражавшаяся подчас и в неожиданной живости жестов и интонаций»³. Французский писатель и дипломат Э.М. де Вогюэ, настроенный резко против Победоносцева ходившими о нем легендами, при встрече с ним был ошеломлен его образованностью и широтой интеллектуальных интересов, прекрасным знакомством с западной литературой⁴.

«Не могло быть и вопроса о полной искренности, правдивости и глубокой простоте и естественности этого человека», — описывал свои впечатления от разговора с обер-прокурором Розанов, подчеркнув, что «всё, что носилось о Победоносцеве в обществе, совершенно противоречило тому, что я видел». Интерес к консервативному сановнику подогревался еще и тем, что вне официальной обстановки он зачастую не стеснялся в выражениях и высказывал весьма резкие суждения об окружающей действительности, расходившиеся с общепринятыми установками идеологии самодержавия⁵. Даже деятели, критически относившиеся к Победоносцеву (писатель-народник П.В. Засодимский, либеральный

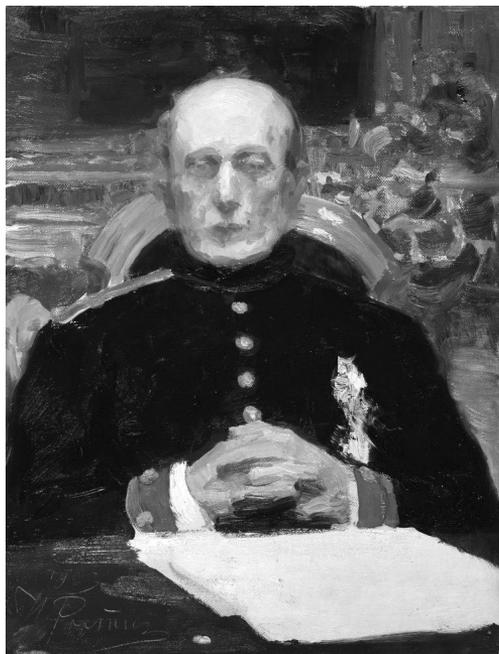
¹ Современная речь. 1907. № 43 // *Преображенский И.В.* Константин Петрович Победоносцев. С. 42.

² *Бенуа А.Н.* Мои воспоминания. С. 195.

³ Цит. по: *Глинский Б.Б.* Константин Петрович Победоносцев (материалы для биографии) // К.П. Победоносцев: pro et contra. С. 415.

⁴ *De Vogue E.-M.* Un témoignage d'outre-tombe: Pobedonostzef // *Les routes.* Paris, 1910. P. 136. См. также: *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в восприятии французских ученых и публицистов // *Отечественная история.* 2007. № 6. С. 138–144.

⁵ В беседе с Мережковским Победоносцев изрек свой знаменитый афоризм о том, что Россия — это «ледяная пустыня, а по ней ходит лихой человек». Розанова он поразил заявлением, что социалисты «не суть легкомысленные люди или безбожники, а совершенно правильно указывают на полную немощь теперешнего государственного строя»

К.П. Победоносцев. Этюд к картине И.Е. Репина
«Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 г.
в честь столетнего юбилея»

профессор-экономист И.И. Янжул) были вынуждены после встреч с ним признать, что обер-прокурор — «недужинная, крупная личность», «умный и сведуший человек»¹. Подобная тенденция в восприятии фигуры консервативного сановника, безусловно, отразилась и на собственно художественном осмыслении особенностей его личности, придав ему элементы глубины и неоднозначности.

Разумеется, и те представители творческой интеллигенции, которые стремились к художественному осмыслению фигуры Победоносцева, отдали щедрую дань «зловещей» трактовке этой фигуры. Мотив «совиных крыл» в знаменитом образе, созданном Блоком, появился неслучайно. В том же духе воспринимали обер-прокурора многие современники. И.Е. Репин подчеркнул «совиные черты» в облике Победоносцева при создании картины «Торжественное заседание Государственного совета»². Андрей Белый в сюжетах, связанных с фигурой сенатора

(Гиппиус З.Н. Слова и люди. С. 104; Розанов В.В. М.П. Соловьев и К.П. Победоносцев о бюрократии. С. 21).

¹ Степаненко Н.Н. Золотое сердце. С. 1112; Янжул И.И. Воспоминания И.И. Янжула о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. СПб., 1911. Вып. 2. С. 30.

² Чиновник Государственной канцелярии Д.Н. Любимов, консультировавший Репина при создании картины, вспоминал, что напротив фамилии Победоносцева в списке членов Государственного совета Репин поставил ремарку: «Так совсем сова — удлинить очки» (Любимов Л.Д. На чужбине. Ташкент, 1965. С. 7).

Аблеухова, использовал образ еще одного ночного существа — летучей мыши. Уподобление обер-прокурора летучей мыши широко использовалось в начале XX в. и в карикатурах, и в памфлетах, направленных против него¹.

С образами ночных существ, широко использовавшимися при изображении Победоносцева, соединялись также мотивы холода, льда и снега, мотивы темноты и неосязаемой, тайной власти². В целом изображение консервативного сановника в художественных произведениях рубежа веков оказывалось достаточно негативным. Для Андрея Белого действия высокопоставленной бюрократии, олицетворением которой служил сенатор Аблеухов, были проникнуты тем же «иллюзионизмом», что и действия крайних революционеров, и в конце концов оказывали столь же негативное воздействие на развитие России³. В представлении Блока Победоносцев толкал страну к гибели. Под жестким диктатом обер-прокурора силы России оказывались «рукой железной зажаты в узел бесполезный», он «клат рукой костлявой... живые души под сукно»⁴.

Уже после революции традиция «мрачного» изображения Победоносцева получила развитие в книге «Императоры» (1927) близкого к символистам литератора Г.И. Чулкова. Комбинируя все стереотипы негативного восприятия обер-прокурора, имевшие хождение среди творческой интеллигенции рубежа веков, Чулков изобразил царского наставника «фантастическим пауком», который «раскинул по всей России свою гибельную паутину», «погонщиком» при царе, выполнявшем роль «вьючного животного». «В Победоносцеве, — писал Чулков, — была страсть, но это была какая-то странная, холодная, ледяная, колючая страсть ненависти. Всё умирало вокруг него»⁵. Мотив безжизненности, замерзания, часто встречающийся при описании фигуры Победоносцева в произведениях литераторов-символистов, был, таким образом, воспроизведен и в сочинении, являвшемся достаточно поздним отголоском расхожих сюжетов и творческих приемов литературы Серебряного века. И всё же к этим негативным чертам содержание образа консервативного сановника в произведениях рубежа веков не сводилось.

«Идейность» Победоносцева, которую признавали наиболее пронизательные современники — государственные и общественные деятели, публицисты — заметно повлияла и на образы, создававшиеся писателями и поэтами. Даже относясь к обер-прокурору отрицательно, Блок всё же стремился найти в его действиях определенный подтекст, представить фигурой пусть и зловещей,

¹ См.: *Амфитеатров А., Аничков Е.* Победоносцев // К.П. Победоносцев: pro et contra. С. 327–328.

² *Долгополов Е.* На рубеже веков. Л., 1985. С. 205–206.

³ *Белый А.* Петербург. Л., 1981. С. 498.

⁴ Восприятие фигуры Победоносцева, близкое к трактовке Блока, видимо, было широко распространено в русском обществе рубежа веков. Постановку оперы Н.А. Римского-Корсакова «Кашей» (1905) публика восприняла как демарш против обер-прокурора. Последний напрямую отождествлялся с главным героем оперы — волшебником, держащем в заточении царевну-Россию. Постановка закончилась скандалом и отставкой композитора с поста профессора консерватории. См. *Sargeant L.* Kashchei the Immortal: Liberal Politics, Cultural Memory, and the Rimsky-Korsakov Scandal of 1905 // *Russian Review*. 2005. Vol. 64. January. P. 22–43. Я благодарен д-ру Эллен Руттен за указание на данную информацию.

⁵ *Чулков Г.И.* Императоры. Психологические портреты. М., 1991. С. 276, 278.

К.П. Победоносцев. Карикатуры периода
Первой русской революции

пугающей, но не однозначно примитивной. Победоносцев Блока — это «колдун», «чародей», но не «жандарм», не «полицейский», не «палач». Он наделен неким гипнотическим даром, способностью внушать свои мысли и настроения всей стране. Россия подчинилась его власти не под давлением грубого насилия, а в результате «волшебства». Победоносцев «дивным кругом очертил Россию, заглянув ей в очи стекляннным взором колдуна», окурил ее ладаном, усыпил ее «под умный говор сказки чудной»¹. Подобная тенденция восприятия Победоносцева была достаточно широко распространена в общественном сознании на рубеже веков. «По его воле, — писал автор одного из некрологов, — мы неуклонно шли назад, хотя все чувствовали необходимость идти вперед. Победоносцева считали злым гением России, но его логике, точно загипнотизированные, подчинялись все — и те, которые от него несколько не зависели»².

Подводя итог обзору особенностей восприятия личности Победоносцева творческой интеллигенцией Серебряного века, необходимо сказать о том, как сам обер-прокурор воспринимал интерес к своей персоне со стороны общественности.

¹ Ср. характеристику Победоносцева в книге Г.И. Чулкова. Консервативный сановник, по словам литератора, утихомирил в начале 1880-х гг. «растревоженную и взволнованную Русь», сумев «заговорить, заколдовать эту буйную стихию». Опорой могущества знаменитого царедворца была таинственная, почти мистическая сила инерции, хранящаяся в глубинах общества — «слепая и темная стихия, тяготеющая неизменно к какому-то дольному сонному миру». Обер-прокурор не только «усыплял» страну и ее правителей, но и заботился о ней, как о несмышленных детях, — «как верный пестун», «лелеял... огромного бородатого младенца» (Александра III. — А.П.). См.: Чулков Г.И. Указ. соч. С. 273.

² Пензенские губернские ведомости. 1907. № 60 // Преображенский И.В. Константин Петрович Победоносцев. С. 8.

Может показаться парадоксом, но консервативный сановник, активно выступавший в печати, не упускавший возможности донести свои взгляды до представителей общества путем личных встреч и бесед, был не особенно доволен своей популярностью в литературно-художественном и газетно-журнальном мире. «Так называемая европейская известность газетная тяготеет на мне, и рад бы я был свалить ее с себя», — писал Победоносцев одной своей постоянной корреспондентке О.А. Новиковой о внимании к нему западных журналистов, которое вдохновлялось приблизительно теми же мотивами, что и интерес со стороны российской творческой интеллигенции. «Пошлость... изобрела легенду о том, что мое влияние во всём, что происходит, есть преобладающее, и эта легенда теперь гуляет по всем рынкам Старого и Нового Света»¹. Наряду с известной долей рисовки здесь звучит и вполне искреннее раздражение. Содержание текстов и речей, с которыми Победоносцев обращался к обществу, связано как раз с проповедью антииндивидуализма, направлено против излишнего «выпячивания» личностного начала.

Хотя творческая интеллигенция рубежа веков воспринимала консервативного сановника как яркое проявление индивидуального своеобразия на фоне безликой имперской бюрократии, сам Победоносцев к принципу индивидуализма относился весьма скептически. Чрезмерное развитие этого принципа он считал одной из причин тех бед и потрясений, которые обрушились на пореформенную Россию. В своем программном произведении «Московский сборник» (1896) он сокрушался по поводу того, что «самолюбия, выраставшие прежде ровным ростом... стали разом возникать, разом подниматься во всю безумную величину человеческого „я“». «Прежде, — замечал обер-прокурор, — было больше довольных и спокойных людей, потому что люди не столько ожидали от жизни, довольствовались малой, средней мерой, не спешили расширять судьбу свою и ее горизонты»². В своих речах, письмах, статьях и иных публикациях он проповедовал необходимость «малых дел», воспевал «скромных тружеников провинции»,

¹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 230. К. 8479. Е/х 17. Л. 18 (письмо от 29 августа 1898 г.). Е/х 14. Л. 26–26об. (письмо от 27 ноября 1894 г.). Об отношении западного общественного мнения к консервативному сановнику см.: *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в восприятии французских ученых и публицистов; *Он же.* К.П. Победоносцев и общественно-политическая жизнь Великобритании (1870-е — начало 1900-х гг.) // Константин Петрович Победоносцев: мыслитель, ученый, человек. СПб., 2007.

² *Победоносцев К.П.* Московский сборник // Соч. С. 324, 321. Ряд глав «Московского сборника» и многие другие публикации обер-прокурора не были авторскими сочинениями в точном смысле слова, а представляли собой своего рода «безличное» творчество — переводы (часто без указания авторства), переложения, компиляции из сочинений других публицистов. См. об этом: *Ведерников В.В.* «Московский сборник» К.П. Победоносцева и кризис идеологии пореформенного самодержавия // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. 1997. № 2. С. 40–41; *Майорова О.Е.* «Я живу постоянно в рамках»... О культурно-психологической подпочве политических воззрений К.П. Победоносцева // Казань, Москва, Петербург. Российская империя взглядом из разных углов. М., 1997. С. 171; *Пешков А.И.* «Кто разоряет — мал во царствии Христовом»... // Победоносцев К.П. Соч. С. 8–15.

безвестно работающих «в своем углу», «в меру сил своих», чуждых шума и суеты больших городов¹. Когда на Западе возникла мысль о переводе «Московского сборника», Победоносцев рекомендовал западным издателям опубликовать вместо своей книги сочинение одного из таких «скромных тружеников» — сельского педагога С.А. Рачинского, полагая, что именно через нее «сказалось бы для тамошней публики новое русское слово»².

В свете подобных воззрений Победоносцева можно утверждать, что представители творческой интеллигенции рубежа веков весьма свободно трактовали его образ, «вчитывая» в него свои представления о том, каким должен быть типичный представитель самодержавной государственности, какие черты в его облике должны преобладать. Образ «колдуна», «чародея», более или менее отходивший от упрощающе-памфлетных характеристик личности консервативного сановника, все-таки не вполне точно отражал действительные противоречия его взглядов и деятельности. Пожалуй, ближе других к осмыслению особенностей Победоносцева обер-прокурора подошел Н.А. Бердяев, указавший на такие элементы его воззрений, как «искреннее смирение перед высшим, любовь к народному, романтическая привязанность к старому быту», смягчавшие «жгучую ненависть», которую испытывали к нему многие представители интеллигенции³.

¹ См., например, письмо Победоносцева к С.А. Рачинскому от 4 ноября 1893 г. (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 631. Письма к С.А. Рачинскому. 1893. Ноябрь-декабрь. Л. 20 об.).

² ОР РГБ. Ф. 230. К. 8479. Д. 17. Л. 14 (письмо к О.А. Новиковой от 20 августа 1898 г.).

³ *Бердяев Н.А.* Нигилизм на религиозной почве // К.П. Победоносцев: pro et contra. С. 287. Чрезвычайно интересным, но недостаточно проработанным направлением научного анализа является сопоставление взглядов Победоносцева с воззрениями представителей идейных течений XIX в., подчеркивавших ценности коллективизма, стремившихся преодолеть разрыв между интеллигенцией и народом. Так, Г.В. Флоровский отмечал, что Победоносцев был «по-своему народником или почвенником», В.В. Ведерников характеризовал его взгляды как «своеобразное православно-монархическое народничество». См.: *Флоровский Г.В.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 410; *Ведерников В.В.* «Московский сборник» К.П. Победоносцева. С. 42.